

НЕМЕЦКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ВЫБОР ПУТИ

Н.Э. Вашкау

После революции 1917 г. в немецких колониях Поволжья начались процессы национального самоутверждения. Организация автономии на советских началах гарантировала развитие немецкого этноса в ее составе. Первые декреты советской власти перевели школы под контроль государства, от лица которого выступала партия.

В ноябре 1918 г. было принято постановление о школах национальных меньшинств, в котором в соответствии с Конституцией объявлялось о праве народов получать образование на своем родном языке не только в общеобразовательной, но и в высшей школе. Это создавало правовую возможность для реализации культурных интересов диаспор, живущих в России. Предполагалось, что родители будут сами избирать язык обучения. Но фактически школа являлась государственной, и это создавало угрозу благим намерениям.

Учительская интеллигенция как самая многочисленная профессиональная группа в силу специфики труда и положения в обществе влияла на мировоззрение молодого поколения. Возможности ее по мере развития системы народного образования страны постоянно возрастали. И властные структуры это понимали.

На практике, реализовав культурно-национальную автономию, большевики отбросили то, что составляло ее суть: развитие автономной деятельности культурных структур разных народов в полиэтническом государстве является базой для развития гражданского общества, которое постепенно вырабатывает демократические основы согласования своих национальных интересов с интересами государственной власти и ставит их под контроль последней. Был усилен патерналистский момент: школьная система полностью переходит под организационный, финансовый и соодержательный патронаж власти.

Положением о единой трудовой школе предусматривалось широкое участие органов местного самоуправления, развитие частной

инициативы, создание школьного самоуправления и школьных советов, допущение примерных программ и гибких учебных планов. Все это открывало возможности для экспериментирования, качественного рывка населения в иное состояние, но упиралось в социокультурную неготовность населения к таким нововведениям, его реальные духовные и материальные возможности и потребности. Новым формам работы в школе немецкие крестьяне давали нелестные оценки, придерживаясь традиционистской позиции. Психологически быстрее разрушаются экономические, социальные связи, и дальше всех сохраняются связи духовные.

Старый слой учительства не принял революции и экспериментов большевиков. Молодое поколение учителей разделяло установки большевиков и возглавило многие участки работы: руководство немецкой области, а затем и республики формировалось в основном из учительства.

Учителя пытались организовать учебный процесс сообразно требованиям времени. Модернизационные процессы диктовали необходимость подготовки сознательных и профессионально ориентированных граждан. Но саму идею политехнической школы учителя представляли плохо. Большую тревогу вызывал недостаток школьных учебников на немецком языке, но, подчеркнул на одном из совещаний в 1919 г. делегат из поволжской колонии Бальцер, еще «большим злом и даже позором для коммунистов является тот факт, когда учитель голодаает».

События в стране развивались стремительно. Дела на фронте складывались так, что мобилизация коснулась и учителей, причем забирали в Красную армию без участия уездных отделов образования даже физически непригодных учителей. Отдел народного образования под руководством Ф. Маттерна пытался организовать единую трудовую школу. Но направления учителей на ответственные места в советские учреждения сокращали число работников просвеще-

ния, а «последняя мобилизация военкома лишила значительного числа работников, и теперь в военном ведомстве сидят учителя в качестве переписчиков. Все это происходило в то время, когда ОНО должно было проводить всеобщее обучение и ликвидацию неграмотности, а учителей на местах осталось 50 % от прежнего числа»¹.

Постановка школьного дела в партийном русле привела к тому, что учителя должны были пройти своеобразную чистку по принципу партийной лояльности. На состоявшемся в Москве 28 июля 1919 г. I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры А. В. Луначарский заметил: «Никто вначале не верил в нашу победу, почему учительство и отказалось в сотрудничестве с теми, кого оно не признавало»². Делегат от области немцев Поволжья Карпов одной из причин нехватки учителей назвал беспартийность: «Союзу 5 месяцев. Указание на партийность членов союза многих отшатнуло от него»³. О том, насколько враждебно относились на местах к старой интеллигенции, как неопределен был социальный статус учительства, говорят письма во Всероссийский союз работников просвещения. Годы войны сформировали отрицательное отношение к учителям со стороны некоторых представителей власти. Учителя могли быть взяты в заложники, высланы, практиковалась даже порка учителей. Одновременно они были причислены к советским служащим⁴. На том же съезде делегаты задали вопрос представителю от ВЦСПС Лутовинову: пролетариат мы или нет? На что в докладе он ответил так: «На вопрос трудно ответить. Вы должны сами для себя выяснить, пролетариат вы или нет. Надо создать критерий, как вас классифицировать».

Чтобы вернуть учителей в школы, комитет партии Области немцев Поволжья разослал 28 сентября 1923 г. в кантонные комитеты секретное постановление, в котором рекомендовал изменить отношение к учителям, «избегая репрессивных мер». Поскольку вопросы регулирования тарифов еще не были решены, а уход из школ продолжался, «как временная мера было предложено не принимать на работу учителей немецкой национальности, работавших до настоящего времени в культпросветучреждениях и оставивших работу по собственному желанию. При сокращении штатов увольнять в первую очередь сотрудников, имевших педагогическое образование и владеющих немецким языком».

Параллельно руководство области пыталось решить кадровую проблему через сеть краткосрочных курсов, организацию педагогического техникума, а затем и педагогического института.

Наркомат просвещения ходатайствовал перед НКР РСФСР об открытии педагогического техникума и выделении из государственных средств 6 млн рублей. В 1922 г. в Зельмане (Ровном) в помещении бывшей Ровненской учительской семинарии был открыт педагогический техникум. В положении о педтехникуме предполагался трехгодичный срок обучения и прием учащихся после окончания семилетней школы. Провели первый набор студентов в техникум, но занятия были прерваны, так как здание, предоставленное техникуму, сгорело, и он был переведен в Марксштадт, в здание бывшего центрального училища. Директором техникума с 30 августа 1924 г. стал Н. Н. Беллендир. В 1924/25 учебном году педтехникум имел подготовительное отделение и 3 основных курса с 96 учащимися⁵. Параллельно СНК Немецкой республики добился выделения мест в вузах страны для студентов с предоставлением стипендии. На 1923 г. в качестве стипендиатов республики учились в вузах: в сельскохозяйственном — 23, в педагогическом — 9, в медицинском — 9, в политехническом — 5 студентов, и др. Всего 83 человека⁶. В 1924 г. стипендиатов было 105 человек, а всего училось в вузах страны по целевому назначению 130 студентов. Среди них: Я. Я. Альтергот, П. Рау, А. П. Дульзон — на педагогическом факультете СГУ, А. Ф. Горн — на медицинском факультете СГУ, В. К. Зиннер — в Ленинградском политехникуме и т. д.⁷

Коллегия Наркомата просвещения про-
сила открыть рабфак в Покровске на 180 че-
ловек, так как на немецком языке подгото-
вительных отделений не было, а уровень
подготовки не позволял многим пройти ис-
пытания в вузы. Президиум ВЦИК включил
рабфак в сеть учебных заведений, но требу-
емый государственный кредит не выделил⁸.
В 1925 г. немецкий педтехникум дал первый
выпуск — 15 человек.

При всех проблемах и недостатках ма-
териального характера наиболее отрицатель-
ную роль сыграл классовый принцип подбо-
ра студентов. Так, во время чистки 1924 г. с
первого курса Саратовского мединститута
были исключены Мария и Александр Лей-

ман «по причинам идеологической чуждости и слабого общественного развития». Студенты подали заявление председателю ЦИК республики А. Швабу, указав, что они происходят из бедных крестьян. Тогда Саратовская губернская комиссия изменила формулировку на «оторванность от студенческих масс». На это студенты ответили, что «числятся членами большинства студенческих организаций и кружков» и приложили отзывы кантонных партийной и комсомольской организаций. На заявлении А. Шваб написал резолюцию: «Возбудить перед отделом национальностей при ВЦИК ходатайство о восстановлении, указав на необходимость более осторожной чистки студентов-немцев. Мы стоим перед фактом через короткое время очутиться без интеллигенции, знающей немецкий язык и получившей свое образование в советских университетах. А этих ребят использовать можно». Тем не менее главное управление прообразования выступило против восстановления студентов, указав, что это может дать прецедент другим студентам обращаться с просьбами о восстановлении⁹.

Знания у поступавших были недостаточны, и для лучшей подготовки было решено организовать рабфак. Немецкое отделение при Саратовском рабфаке было открыто в 1925 г. и имело 3 курса: подготовительный и два основных. Это отделение также принимало студентов из других областей РСФСР. Так, на 1 января 1928 г. 85 студентов было от Немецкой республики и 21 — из других областей. С 1928 г. отделение было переведено на 4-годичное обучение. На 1 января 1928 г. обучалось 106 студентов, среди них мужчин — 88, женщин — 18, членов партии — 6, кандидатов — 10, комсомольцев — 40 и беспартийных — 40. По социальному составу: 30 — из рабочих, 15 — батраков, 10 — дети середняков, 2 — служащих и 1 — из торговцев¹⁰.

Вообще социальный состав студентов был постоянной заботой партийных организаций. От кантонных комитетов партии требовали отправки в техникумы комсомольцев и членов партии. Но политизация всей системы образования никак не удавалась. Представительство немцев в партийных рядах было очень незначительным. Так, по исследованиям А.А. Германа, удельный вес немцев составлял 2,2 на 1 тыс. немецкого населения (для сравнения: русские — 10 человек на 1 тыс. населения)¹¹. В 1926 г. членами партии были 0,4 % учителей, кандидатами — 3,25 % учителей, членами РКМ — 4,8 %¹². На XV партконференции

в выступлениях звучала мысль о том, что комплектация педагогических техникумов не выдерживает классовый принцип¹³. В основном в них учились дети учителей.

Говоря о том, что социальный состав Саратовского рабфака удовлетворял требованиям вышестоящих инстанций, а партийная принадлежность была пропорциональна представительству немцев в рядах партии, А. Дульзон, автор статьи в методическом журнале для учителей «Wolgadeutsches Schulblatt», одновременно указывал, что многим желавшим и хорошо подготовленным выпускникам, особенно из других областей, отказывали в приеме, так как они «не соответствовали по социальному происхождению»¹⁴. Особенно много отказов было кандидатам из Сибири и с Северного Кавказа.

Практически полное отсутствие литературы для школы, большие трудности с налаживанием собственной типографской базы побудили ЦК ВКП(б) издать 28 августа 1925 г. постановление по снятию ограничений в получении литературы из Германии. В письме от 4 февраля 1927 г. сотрудник общества сообщал, что комитет по культурным связям уже готов передать из прусского учительского семинара учительскую библиотеку из 900 книг. В приложенном списке были представлены произведения по педагогике, немецкому языку, математике, географии, естествознанию и музыке. Требовалось только согласие Наркомата просвещения на получение этих книг¹⁵.

Но направляемая из Германии литература подвергалась тщательному просмотру на предмет ее соответствия партийным идеологическим установкам. Таким образом партия пыталась оградить немецкое население страны от наплыва эмигрантской печати, которая распространялась по почте. Пропагандистский аппарат всячески пытался отбить интерес к печати соотечественников за рубежом. Выход был найден традиционный: ограничить круг литературы до минимума.

Немгосиздат имел перечень издательств и частных фирм, в которых заказывал литературу. В январе 1927 г. председатель издательства Б. Бартельс сообщал в ЦИК республики о том, что получена заказанная литература из-за границы, но ее состав говорит сам за себя: 83 % — политическая, 7 % — учебная, 10 % — художественная¹⁶.

Немецкий рабфак при СГУ занимался по общим программам рабфаков. Отличие было только в русском и немецком языках (как отдельных предметах изучения) и спе-

циальном курсе об истории создания республики. Особенностью было также преподавание всех предметов на немецком языке в течение всего срока обучения. Обучение русскому языку предполагало больший объем часов.

Предварительные итоги приема в Немецкий педагогический институт показали, что заявлений было подано 85, но зачислено 32 человека. Социальный состав был оценен как неудовлетворительный, так как только половина студентов была крестьянского происхождения, а остальные — дети учителей¹⁷. Обком партии 4 октября 1929 г. обсудил это положение. Было принято «объявить мобилизацию среди членов партии и комсомольцев», причем основное внимание уделялось социальному происхождению¹⁸. По кантонам были разосланы контрольные цифры. Для облегчения поступления в НПИ были организованы вечерние курсы при Покровской, Бальцерской и Марксштадтской школах II ступени¹⁹. В сентябре к учебе в институте приступили 65 студентов. Но даже зачисленные студенты в декабре снова подверглись проверке агитпропотделом обкома партии по поводу истинности их пролетарского происхождения²⁰.

Следующий прием дал 39 человек на лингвистический и 19 — на историко-экономический факультеты. Общее число студентов составило 140 человек, учитывая курсы дошкольных работников (17 человек)²¹. Но уже 9 октября 1930 г. культурно-пропагандистский отдел Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), заслушав доклад крайкома «Об итогах осеннего приема в вузы в 1930 г.», признал совершенно неудовлетворительным прием в НПИ. По социальному происхождению было принято 58 % служащих, 14 % — рабочих, 22 % — крестьян, 4 % — батраков. Особенно низкими были цифры партийности: членов партии — 1 %, 15 % — комсомольцы, все остальные — беспартийные. Обкому партии республики было рекомендовано обсудить положение и принять меры²². Но через год ситуация повторилась.

В августе 1931 г. помощник директора института А. Раушенбах докладывал в обком ВКП(б), что подано 78 заявлений, из них 1 — от членов ВКП(б) и 8 — от членов и кандидатов ВЛКСМ. «Мобилизация комсомольцев и партийцев идет неудовлетворительно, из пределов Немецкой республики подано только одно заявление от партийца, остальные два с Северного Кавказа и Украины... при таком ходе набора институт стоит перед угрозой значительного ослабления партийно-

комсомольской прослойки и перед угрозой приема на историко-экономическое отделение, готовящее обществоведов, значительного числа беспартийных»²³.

Классовый подход к отбору студентов приводил к тому, что в их число попадали слабо подготовленные люди, плохо владевшие русским языком, что сказывалось на последующей успеваемости. Чтобы решить проблему качественного состава при институте с 1930/31 учебного года было решено открыть рабфак. Цифры набора были очень большими для республики, учитывая, что из других областей студентов было не так много. На дневное отделение рабфака предполагалось набрать 350 человек и на вечернее — 510 человек²⁴.

Педагогическая интеллигенция в 20—30-е гг. провела широкомасштабные опыты по созданию новой школы. «...Советская власть серьезно думала распространить эти опыты нового воспитания на всю Россию, — писал П.Н. Милюков, — ее расчеты сразу же натолкнулись на непреодолимые препятствия. Первым из них было отсутствие корпуса учителей, готовых служить созданию нового коммунистического поколения. Вторым была невозможность для этой власти поддержать даже тот уровень, какого достигла школа в довоенный период, ввиду общего распада, разорения и величайшей нужды в годы Гражданской войны»²⁵.

Спецификой духовной жизни немцев России было сильное влияние церкви и роль церковно-приходской школы. Партийное руководство это сознавало и после отделения школы от церкви пыталось заполнить вакuum различными политическими кампаниями и мероприятиями, начиная от новых методов проведения занятий и заканчивая массированной антирелигиозной пропагандой в формах, оскорблявших чувства верующих.

Массированная пропаганда шла через печать. Более всего материалов на антирелигиозные темы публиковалось в журнале «Wolgadeutsches Schulblat». В одной из статей авторы Кампгауз и Вагнер выделили причины живучести религиозности в среде немецкого населения: немецкая деревня консервативнее русской; в немецкой деревне больше слой кулаков; каждая деревня имеет священника или шульмейстера и церковь; старые учителя, ранее бывшие шульмейстерами, остаются и будут оставаться друзьями кулаков; ошибки активистов в некоторых деревнях; недостаток агитацион-

ных средств — красных уголков, читален, народных домов.

Основная тяжесть антирелигиозной работы падала на учителей, которых руководство обязывало проводить пропаганду не только в стенах школы, но и за ее пределами — среди крестьянства. И это немецких учителей, которые еще несколько лет назад преподавали детям Закон Божий.

Специальная статья «Антирелигиозная работа в школе» критически оценивала антирелигиозную работу как плачевную, но причину видела в том, что ребенок после школы попадает в семью, где доводы, полученные в школе, не получают подкрепления, а разрушаются. Пасторы продолжают влиять на сознание верующих, и автор, укрывшийся под инициалами Б.И., сетовал на то, что в католических деревнях дети практически не оторваны от церкви, так как католическая церковь требует посещения воскресной мессы и молодежью. Автор негодовал, что исповедь, во время которой патер остается один на один с верующим, не может быть проконтролирована²⁶.

В статье приводились методические приемы, как можно наглядно развенчать религиозные предрассудки. Учителя должны были на занятиях по теме «Круговорот воды в природе» показать, что этот процесс не зависит от бога. Школьник после занятий, слушая молитву всей семьи перед обедом о том, чтобы бог послал дождь и сохранил будущий урожай, мог вмешаться и сказать взрослым, как происходят эти процессы в природе, что люди придумали уже машины, которые могут орошать землю и показать, что все зависит от человека. Предлагалось организовывать кружки и ставить спектакли, лозунги помещать в читальных залах, в дни религиозных праздников участвовать в демонстрациях²⁷. Таким образом пропаганда вмешивалась в святая святых — семейное воспитание, в отношения между родителями и детьми.

Школа в Республике немцев Поволжья прошла все этапы экспериментов вместе со страной. Она занималась общественно-политической работой — устраивала революционные праздники, участвовала в политических кампаниях, боролась с религией. Одновременно в национальных школах, особенно в национально-оформленных территориальных образованиях, шла работа по поиску тех путей и методов, которые могли бы сделать первые действительным источником знаний, передачи традиций и духовного опыта собственного народа. В случае с немецкой школой в первую

очередь это были учителя старой формации, которые продолжали видеть свое место вне политического поля и много сделали для организации образования на родном языке.

Учителя пытались организовать учебный процесс сообразно требованиям времени. Существенное значение имела и социокультурная готовность населения к таким нововведениям, его реальные духовные и материальные способности, потребности и возможности. А новым формам работы в школе крестьяне давали нелестные оценки, придерживаясь традиционалистской позиции.

Семья еще крепко держалась за традиционные связи, воспроизводила их на уровне семьи. К дискуссиям и новым методам работы школы крестьянство относилось с недоверием. И его неумение увидеть в этой школе ростки нового, требования модернизационного процесса вызывало к жизни ответное политическое поведение.

Романтические иллюзии реформы 1918 г. были забыты. Практика индустриального развития диктовала воспроизведение сознательных и умелых строителей социализма. На это была направлена идея единой политехнической школы, обеспечивающей преемственность между всеми звенями советской трудовой школы. Осуществлять революцию в духовной сфере в этом направлении должно было учительство нового поколения, прошедшее через горнило чисток и доказавшее лояльность по отношению к новой власти. Власть же к началу 30-х годов нашла гарантированный источник финансирования культурной революции — коллективизацию крестьянских хозяйств.

В силу различных стартовых возможностей и специфики культур народы с разной скоростью входили в модернизационное поле. Немецкое население страны в основной массе в образовательном плане было больше подготовлено к процессу модернизации. Когда возможность выбора для них (эмиграция) оказалась закрытой, для крестьянства, имевшего глубинные ментальные черты, оказались востребованными исторические традиции реформирования. Оценивая объективно этнокультурные возможности каждого народа, их разные стартовые возможности, власть могла бы развивать диалог с каждым из них, используя энергию и потенциальные возможности каждой культуры. На практике борьба за власть привела к тому, что число носителей ценностных ориентаций с опорой на общество бы-

стро сокращалось, а замена цела из числа беднейших слоев населения, пришедших во власть через политический протекционизм. Таким образом, модернизационные возможности немецкого населения не были использованы с большей пользой для государства и для самого национально-территориального образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энгельсский филиал Государственного архива Саратовской области. Ф. 730. Оп. 1. Д. 66. Л. 56. (Далее: ЭФГАСО).

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5462. Оп. 1. Д. 10. Л. 7. (Далее: ГА РФ).

³ ГА РФ. Ф. 5462. Оп. 1. Д. 10. Л. 22, 22 об.

⁴ Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 22, 22об.

⁵ Ерина Е.М., Штукерт А.Н. Средние специальные педагогические учебные заведения немецкой автономии на Волге // Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 5. Саратов, 1997. С. 76–77.

⁶ ЭФГАСО. Ф. Р-847. Оп. 1. Д. 21. Л. 77.

⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 16. Л. 1, 4, 69–70.

⁸ Там же. Д. 79. Л. 54, 57.

⁹ Там же. Л. 44.

¹⁰ Dulson A. Die deutsche Abteilung bei der Saratover Arbeitsfakultät // Wolgadeutsches Schulblatt. 1928. № 4. S. 375.

¹¹ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Саратов, 1994. Ч. II. С. 57.

¹² ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1354. Л. 9. По опубликованным данным, в 1925 г. из учителей были: 96,1 % беспартийных, 2,3 % — кандидаты в члены партии, 1,6 % — члены РКСМ. См.: Wolgadeutsches Schulblatt. 1927. № 1. S. 133.

¹³ Член коллегии Наркомата просвещения Ида Фрей на XV партийной конференции (17–26 ноября 1927 г.) заявила: «Мы должны в школах проводить политику господствующего класса, у нас нет аполитичных школ. А кто проводит ее? Беспартийные учителя, и с этим явлением мы не скоро справимся. В школах повышенного типа имеем обществоведение, обществовед формирует коммунистическое мировоззрение, а учителя беспартийные» (ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1337. Л. 46).

¹⁴ Dulson A. Op. cit. S. 375.

¹⁵ ЭФГАСО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 294. Л. 52.

¹⁶ Постановлением 17 октября 1928 г. СНК РСФСР выделил в ознаменование 10-летия Немецкой республики 300 тыс. руб. на пополнение библиотек литературой на немецком языке. СНК признал также необходимым закупить книги за границей, была найдена валюта — 50 тыс. руб., книги были заказаны специально для педагогического института в Энгельсе. Когда же в обком попали списки заказанной литературы, была создана специальная комиссия, которая сделала вывод, что «закуплено много ненужной, дорогой, антикварной литературы в хороших обложках. Из 601 книги только 29 — современных писателей. Немецкий пединститут воспитывает воспитателей коммунистов, а книги политически не выдержаны. Редко мы найдем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Либкнехта, но зато есть почти весь комплект протоколов социал-демократических съездов, анархистская и синдикалистская литература, есть Роннер, Аллер, Бауэр, Каутский. Это обесценивает библиотеку. Виновных в составлении столь невыдержанного заказа привлечь к ответственности». ЭФГАСО. Ф. 849. Оп. 1. Д. 732. Л. 663–665; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 42–44; Д. 1799. Л. 469–471. См. подробнее: Вашкау Н.Э. Культурные связи Немецкой автономии на Волге с Германией (1918–1933 гг.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. Вып. 2. Волгоград, 1997. С. 55–63.

¹⁷ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1670. Л. 629, 629 об.

¹⁸ Прибывшие на рабфак отчислялись по причине социального происхождения. РКИ отправил в Марксштадтский кантон разъяснительное письмо, в котором указал, что командированный Арнольд оказался сыном бывшего крупного землемельца, владельца паровой мельницы. Отец лишен избирательных прав. Сын с отцом связи не порывает. Студентка Отто — дочь крупного землевладельца. В настоящее время отца нет. Дочь работает на табачной фабрике, но рабочие недовольны, что она будет учиться на рабфаке. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1670. Л. 279.

¹⁹ Там же. Л. 24, 31.

²⁰ Там же. Д. 1671. Л. 622.

²¹ Герман А.А. Указ. соч. С. 198.

²² ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802. Л. 58.

²³ См.: Герман А.А. Указ. соч. С. 199; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802. Л. 52.

²⁴ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802. Л. 64.

²⁵ Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1992. С. 676.

²⁶ B.I. Die antireligiöse Arbeit in den Schulen // Wolgadeutsches Schulblatt. 1928. № 12. S. 1227–1230.

²⁷ Warum und wie in die antireligiöse Propaganda zu führen // Wolgadeutsches Schulblatt. 1929. № 9. S. 802–804.